ГЕОГРАФИЯ ВЫШКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

№ 1 (12), ЯНВАРЬ, 2017

МОСКВА • НИЖНИЙ НОВГОРОД • ПЕРМЬ • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Мы продолжаем серию академических рассказов о разных городах мира. Сегодняшний выпуск посвящен Риге и Нижнему Тагилу. О них рассказывают профессора НИУ ВШЭ Ирина Савельева и Александр Филиппов.

РИГА

Ирина Савельева,
директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева,
профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук

Когда попросили написать про город, в котором родился/учился/влюбился/жил/преподавал, я сразу подумала о Риге. Хотя есть еще город, невероятный по значению в моей жизни, – Париж. Даже если бы я была там не много раз, а всего единожды – в 1987 году. Есть города, навсегда сразившие своей красотой, – Venezia di notte, куда я впервые попала именно ночью, или одаривший чувством вечности Рим, или неизменно трогающая духом времени, запечатленного не в стенах, а в жителях, – Варшава. Но, конечно, прежде всего я напишу о Риге, потому что это единственный город, который всегда со мной. В том смысле, что я такая, как есть, благодаря тому, что я выросла в Риге и окружали меня рижане.

Для меня любая прогулка по Риге – это путешествие сквозь детство. Via est vita. Жили мы на улице Леона Паэгле (теперь Антонияс), и моя первая дорога – в парк – пролегала мимо знаменитой улицы рижского модерна Фрича Гайля (теперь Алберта), спроектированной Михаилом Эйзенштейном, отцом великого кинематографиста. По улице, мощенной булыжником, мы пересекали великолепную, тоже с многочисленными зданиями в югендстиле улицу Кирова (теперь Элизабетес) и шли в Стрелковый парк (теперь парк Кронвалда). Стрелковый парк тянулся вдоль бульвара, сплошь застроенного роскошными зданиями посольств и былой рижской (немецкой) аристократии. На Алберта меня водили специально рассматривать здания, а вот Элизабетес уже считалась «обычной» улицей. Мы в дом на Элизабетес, 10а, чуть ли не каждый день ходили в мясной магазин, и ни разу никто не указал мне на роскошный дом на Элизабетес, 10б, с деталей которого художник Квасьневский теперь делает ювелирные реплики. Я его «увидела» только несколько лет назад, посмотрев украшения на выставке в музее и приехав в салон по этому адресу. А ведь этот дом ничем не уступает лучшим образцам питерского модерна на Крестоостровском.

Позднее ареал моей детской Риги расширился до улицы Ленина с двумя образующими ее памятниками – Ленину и Свободы (была она ул. Ленина, а стала ул. Свободы – Бривибас), Бастионной горки, деловых кварталов. По ним мы ходили с родителями к ним на работу в Латвийский государственный университет, с бабушкой в цирк и оперный театр. Позднее появилась Старая Рига, ее я открыла, когда лет с десяти начала ходить по городу самостоятельно. Мы с подругой почти каждое воскресенье блуждали там по узким улочкам среди запущенных домов и руин, удовлетворяя детскую страсть к поискам таинственного. Позднее рижские кладбища тоже стали местом прогулок: тенистые, романтичные, с надгробиями и склепами, или регулярные, с рядами аккуратных могил.

По Риге я могу провести две экскурсии. Одна – «Рижский модерн», несколько километров рижского модерна прямо от железнодорожного вокзала и до морского, а обратно по паркам (Кронвалда, Эспланада, Бастионная горка и Верманский). В последнее лето таких экскурсий я устроила три. Другой маршрут – по Старой Риге, теперь она «как новая», отреставрирована, насыщена кафе и сувенирными лавками, увешана стилизованными вывесками, эмблемами и фонарями. Таинство исчезло, но всем нравится, да и мне тоже. Просто, в отличие от модерной Риги, в которой реставрация не разрушила связи с детством, а скорее эстетизировала прошлое, средневековая Рига теперь ненамного более «моя», чем, например, Краков или Любек. Впрочем, она в детстве была не средой обитания, а скорее «заколдованным местом».

В рижской жизни существовал определенный порядок или – распорядок.

В распорядок дня непременно входила прогулка по городу. Чаще всего это были прогулки с дружескими разговорами по одним и тем же улицам или парковым аллеям. Это могли быть прогулки друзей, коллег, родителей с детьми, с такими, которые уже не нуждаются в выгуливании, но нуждаются именно в беседе. Так каждый день ходил гулять мой отец.

В распорядок года входил летний отдых на взморье. Именно летний, в другие сезоны на море почти не ездили даже на день. Все старались снять на лето хотя бы комнату. Кто любил более активную, светскую жизнь, снимали на центральных станциях, склонные к уединению селились подальше, наслаждались пустынным пляжем, собирали грибы и ягоды. Мы всегда жили в центре, и жизнь в летнее время строилась вокруг замечательных симфонических концертов и театральных гастролей. Вечерами обязательно гуляли вдоль моря. Взрослые ходили на танцы. Танцы вообще в то время были приняты везде; в гостях, в домах танцевали много. Были популярны рестораны, причем не все, а лишь единичные, «старые». И они тоже были связаны с довоенной историей. В них еще сохранялись «настоящие» официанты, во всяком случае, официанты были выучены так, как это было принято до войны.

Зимой мы ходили в рижские театры. Тогда рижским ТЮЗом руководили такие известные впоследствии в Москве режиссеры, как Павел Хомский и Адольф Шапиро, их творчество было взрывным, эпатажным. Теперь в этом неказистом здании, которое, кажется, не ремонтировали со времен моего детства, Новый рижский театр и идут спектакли знаменитого Алвиса Херманиса с латышской труппой (удивительный ансамбль актеров). Билет, кстати, можно купить за 5 евро, но попасть трудно, надо заказывать заранее. Латышские театры тоже были интересны, но, наверное, не режиссурой. Я не помню имен латышских режиссеров, а вот замечательных латышских актеров помню хорошо.

Символическим локусом для меня остались рижские кафе, сохранявшие в 1950-70-е годы, да и позднее, свою досоветскую атмосферу. Каким-то образом люди, работавшие там, ухитрялись производить не типовую, а ту самую, вкусную кондитерскую продукцию, которая делалась до войны. И атмосфера, и посетители были того же сорта, той же самой культуры: старушки, которые встречались каждый день в пять часов, пили свой непременный чай-кофе с пирожными и разговаривали; друзья, пришедшие повидаться; коллеги, не спешащие домой с работы. Да, в Риге, кажется, не существовало понятия «спешить», представьте, каково мне жить в Москве!

В целом Рига для меня – место европейской довоенной культуры. В Западной Европе, как я поняла позднее, эта культура стремительно исчезла после семидесятых годов, а в Прибалтике или в Польше оказалась намного более устойчивой. Люди этой культуры прежде всего сохраняли стиль довоенного времени: манеру себя вести, разговаривать, одеваться, осанку, улыбку, способы времяпрепровождения и формы гостеприимства. В прослойке рижских «бывших» не было видимых социальных перегородок. Портной и профессор выглядели и вели себя примерно одинаково. Носить твидовое пальто и кашне и обязательно снимать шляпу при встрече было приметой достаточно широкого круга рижан. Также и рижские кафе существовали не для людей с каким-то определенным достатком или статусом, а скорее для тех, кто продолжал поддерживать старые привычки, которые, в общем, оказались неистребимы.

Отдельная важная в моей жизни группа – рижские учителя. Я имею в виду уровень учительской культуры, отношения с учениками, ответственность, умение себя презентовать, самоуважение. Наших молодых учительниц никак нельзя было назвать училками, а из пожилых учителей – с «седыми прядками над нашими тетрадками» – была только одна, и ее-то мы как раз терпеть не могли. Молодые учителя отлично выглядели, пожилые держали фасон (и спину). Учителя устанавливали дистанцию, не форсировали голос, не размахивали руками, были строги. Они были бедны, но тем не менее со вкусом одеты. И разговор, который они с нами вели, их реплики казались нам очень ценными. Мы ими восхищались. Понимаете, я всех их помню.

Когда я оканчивала школу, то уже довольно много знала о том, как устроена в Риге университетская и академическая жизнь, потому что мои родители работали в Латвийском государственном университете. У нас бывали их друзья и коллеги. Это были умные, интеллигентные, образованные люди. И тем не менее в моем школьном кругу все, как чеховские сестры, твердили: «В Москву, в Москву». То есть не поехать поступать в Москву было невозможно, не поступить и вернуться – обидно. Для меня отъезд из Риги был предопределен, и мои родители этому не препятствовали. Конечно, речь шла буквально о нескольких вузах: МГУ, МФТИ, МИФИ, творческие студии и училища. Даже в Бауманку, медицинский или МГПИИЯ им. М. Тореза из Риги не ехали, справедливо считая, что в Риге такое образование не хуже. И действительно уровень преподавания в Риге был очень высокий, я уверена, что требования не уступали московским. Только в Москве преподавали «звезды», которых в Риге не было, и совсем другое сообщество студентов. Когда я начала учиться в МГУ, у меня было ощущение, что я не из одного города в другой перебралась, а приехала в совсем другую, БОЛЬШУЮ страну.

У меня странные отношения и с Москвой, и с Ригой. Я ни тот, ни другой город не могу считать своим. Я долго-долго, до последних лет говорила «у вас в Москве», «у вас, у москвичей», то есть для меня было совершенно естественным говорить о москвичах «они». Без негативного оттенка. Просто я знаю, как «у них принято», знаю, как они живут, знаю, как они себя

ведут в тех или иных ситуациях, знаю, какие они, но это – «они». С Ригой тоже не все так просто. Когда я стала жить в Москве (а мне сразу понравилось жить в Москве, несмотря на бытовые трудности и отвратительный общепит), то довольно быстро поняла, что, может быть, для меня Рига и мой город, но я не совсем своя для Риги, Рига – это все-таки город не для рижан, а для латышей. Мне сейчас даже трудно объяснить, как именно я это поняла, но это случилось очень давно, когда я стала в Ригу приезжать к родителям в гости. А я так скучала по Риге и по родителям (здесь мне трудно отделить одно от другого), и по всему, что сейчас назвали бы рижские «урбанистические практики», что я на одном только втором курсе слетала в Ригу 13 раз. Это притом, что советский человек летал на самолете довольно редко, а если летал, то куда-нибудь в Сочи или в Сибирь. А тут – 13 раз за 9 месяцев слетать в Ригу! Я прилетала на неделю, в сессию между экзаменами на три или два дня, потом уже реже, но все равно часто, потому что, видимо, мне это было очень нужно. И почти все летние каникулы до 1991 года проводила в Риге. И проклинала сырое холодное лето, и завидовала загорелым отпускникам с юга, и все равно снова и снова отправлялась в Ригу.

НИЖНИЙ ТАГИЛ

Александр Филиппов,
заведующий лабораторией «Центр фундаментальной социологии»,
профессор Школы философии факультета гуманитарных наук

Я родился в Нижнем Тагиле в 1958 году. В самом конце 1974 года мы оттуда переехали в Москву. Я был там с тех пор два раза: зимой 1975 года на первые зимние каникулы в МГУ и еще раз семь лет назад. Просто воспользовался поездкой в Екатеринбург, чтобы буквально на несколько часов заскочить в родной город.

Мы жили в самом центре города, в двух шагах от драмтеатра, на главной улице. Почти все здания в городе, которые я помню, построены после войны, в 50-е годы или на моих глазах, и никаких архитектурных достоинств они не имеют. Есть исторические фотографии, есть сайты по истории города, сейчас можно узнать, как много было снесено после революции, но я говорю только о том, что сам помню. Исключение составляют старый комплекс демидовских зданий – бывшее заводоуправление и господский дом, старая церковь Александра Невского на берегу пруда, в мое время, естественно, закрытая и превращенная в склад, маленькая сторожевая башня на возвышающейся над городом Лисьей горе. Еще была старая демидовская больница, в мое время скорее опасные и соблазнительные руины. Сейчас она восстановлена, ее можно видеть в фильме «Приваловские миллионы». И еще было здание горного техникума, тоже очень старое, спрятанное в глубине парка. На свежего человека все это производит, по-моему, несмотря на отдельные интересные места, достаточно гнетущее впечатление, потому что кругом почти повсеместно одни типовые дома. Конечно, есть города и похуже в этом смысле, вообще без прошлого, но его и в Тагиле физически не так много. В последнюю поездку я заходил в свой двор, сделал несколько фотографий. И когда показывал их друзьям, ничего не знавшим о моей старой жизни, они не понимали, что там вообще можно было любить. Действительно, двор – каменный мешок в буквальном смысле слова. А сердцу не прикажешь.

Весь город работал на войну, это военный город. Степень этого вовлечения или включенности в войну я каким-то образом улавливал, но в то время не осознавал до конца. Кругом стояли памятники танкам и висели военные плакаты «Седой Урал кует победу», но я как-то не имел особого повода додумывать это до конца. Основным производством в Тагиле, которое чисто визуально доминировало над всем остальным, был, конечно, металлургический комбинат. У меня это до сих пор стоит перед глазами. Если выйти на наш балкончик и смотреть на север, то левее можно было видеть гору Высокую, которая изначально давала железную руду для старого тагильского завода и которую давно уже исчерпали. В наше время даже подходить к ней близко было нельзя, потому что там все разрыто и почва осыпается под ногами. Направо, на востоке, виднелся комбинат. Ржавые огромные тучи, все эти выхлопы, которые поднимались над ним, – довольно зловещее зарево и временами вонь от коксохимзавода. Слово «экология» тогда никто не произносил, но с экологией было довольно плохо.

Название «Тагил» переводится с мансийского как «еще вода» или «много воды». Типичное название, я вот только что узнал, что так же переводится слово «Мадрид». Жаль, что не знал в детстве. На небольшой реке Тагил для нужд железоделательного завода устроили огромный пруд длиной, по-моему, 14 км. Зимой можно было пройти по нему полтора километра и оказаться за городом в лесу. Еще до лыж отец вывозил меня туда на санках. Кажется, лучших фотографий, чем оттуда, с той поры у меня не было. В лесу было хорошо: прекрасные хвойные деревья, которые я до сих пор люблю больше всего. Все названия я помню. Если с берега пруда смотреть на юг, то подальше на западе была гора Голый Камень и гора Долгая, там теперь известный трамплин. На востоке, за прудом, – Корабельный мыс. Корабельный – потому что на нем когда-то росли роскошные сосны, спиленные на мачты, как говорят, еще при Петре. Лыжники уходили еще дальше, на десятки километров вглубь. Летом можно было далеко уходить на лодке. Без этого пруда, с тех пор как переехал в Москву, куда ни приезжаю, чувствую себя обделенным. Зима, лыжи, лодка и все остальное – то, от чего у меня навсегда осталось ощущение счастья.

На другой стороне улицы стоял горный техникум, довольно старое здание, про него сейчас пишут, что это старейшее на Урале учебное заведение, открытое по указу Петра, чуть ли не до официального основания города. Рядом с ним – большой, по моим детским понятиям, парк, который очень много значил в моей жизни. Начиная с младенческих прогулок с родителями и кончая первыми свиданиями в школьные годы, все проходило там. Моя школьная приятельница называла его «Булонский лес». Дальше, если двигаться на запад, можно было прийти в еще один большой парк, типичный парк культуры и отдыха провинциального города, с лодками, качелями и комнатой смеха. Был такой местный писатель из рабочих – Бондин, который умер в конце 1930-х годов. Его имя и носил этот парк. Из парка можно было выйти к комплексу зданий, оставшихся с демидовских времен. Одну часть занимал музей краеведения, а в другой части был горсовет. Музей я страшно любил, как большой патриот города. С огромным удовольствием разглядывал типичный набор – от костей мамонта до моделей всех изобретений, сделанных в Тагиле. Их было очень много. Достаточно сказать, что в Нижнем Тагиле был изобретен первый русский паровоз. Памятник изобретателям, отцу и сыну Черепановым, стоит на центральной площади, модель паровоза красовалась в музее, там же и модель первого велосипеда, сделанного Артамоновым. Предметом особой гордости был тагильский малахит. Ходили упорные слухи, что малахитовый зал в Зимнем дворце сделан из тагильского малахита. В бывшем господском доме в свое время нашли переписку семейства Карамзиных, которая касалась, в частности, обстоятельств дуэли Пушкина. Об этом есть рассказ Ираклия Андроникова «Тагильская находка». Его интересно читать и сейчас. Там и Тагил, и его архитектура выглядят совершенно иначе, чем у меня: роскошное описание особняков и улиц, или там, скажем, «город спит, небо пылает – это из домны пустили шлак». С большим вкусом описаны разные наши достижения, я все это знал, конечно, мог любому рассказывать часами и раздувался от гордости.

Была еще история с «Тагильской Мадонной», картиной, найденной во все том же особняке Демидовых, которую в 20-е годы Грабарь приписал Рафаэлю. Я помню, что картину, естественно, забрали куда-то в столицы, а взамен отдали нашему художественному музею много каких-то второстепенных картин из запасников, но уже потом оказалось, что это все-таки ошибка, и картину вернули в Тагил. Музей у нас хороший, специально выстроенное здание, надеюсь, ей там хорошо.

Может быть, есть маршруты поинтереснее, но если бы я сейчас предлагал пройтись по Тагилу, то сказал бы, что идти надо так. Город начинался от завода. Старый металлургический завод, перестроенный из демидовского, стоял рядом с плотиной и носил имя Куйбышева. Сейчас, насколько мне известно, там никакого производства нет, но старые домны все еще на месте. Имеет смысл дойти туда, посмотреть на эту плотину, на этот завод, на изгиб горного хребта над рекой в районе демидовского дома, перейти плотину по реке и подняться на Лисью гору к башенке – это не очень крутая гора и не очень тяжелый путь. И тогда оттуда можно увидеть практически весь город, большую часть пруда, горы, которые его окружают. Недаром там находилась сторожевая вышка. Оттуда можно спуститься вниз, к парку Бондина и музею, а уже потом двигаться на восток, пока не наскучит.

Моя школа была очень хорошей, «с преподаванием ряда предметов на немецком языке». В действительности почти ничего там на немецком не преподавали: не было специалистов. Но это не была еще «спецшкола» в более привычном понимании, как я помню, не для того она создавалась, чтобы рядовой советский человек мог при желании лучше знать немецкий. Там был другой мотив. Дело в том, что на Урал выселяли поволжских немцев. И в 1950-60-е годы в Тагиле жило много немцев, которые по закону имели право получать образование на родном языке. Правда, сами немцы, которые в то время еще никуда не уезжали, часто предпочитали хорошо знать русский, а не немецкий, потому что именно он открывал им дорогу в светлое будущее, но кто-то, наверное, хотел хотя бы отчасти приобщить детей к немецкому языку и культуре. Мы учились не только языку, причем со второго класса, но должны были уметь читать газеты. Еще была история немецкой литературы на языке и ежегодные конкурсы переводов. Переводили разное, но был чуть ли не культ Гейне, которого с удовольствием заучивали наизусть. Многие выпускники нашей школы стали довольно известными в своей профессии людьми. Из тех, кого я знаю, ни один не жалеет, что уехал из Тагила, но ни один не жалеет, что родился и вырос именно там.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Владимир Селивёрстов.
Иллюстрации Василия Храмова.
Контакты: okna@hse.ru, (495) 621-4514.
Подписаться на рассылку можно здесь: www.okna.hse.ru. Дата выпуска: 27.01.2017.